

Научная статья

УДК 342.731:004.8

EDN: <https://elibrary.ru/fetbvu>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.23>

Искусственный интеллект как вспомогательный инструмент ограничения религиозной свободы в Китае

Наталья Игоревна Шумакова ✉

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)
г. Челябинск, Российская Федерация

Елена Викторовна Титова

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)
г. Челябинск, Российская Федерация

Ключевые слова

Искусственный интеллект,
Китай,
нейронная сеть,
права человека,
право,
регулирование,
религия,
свобода вероисповедания,
цифровые технологии,
экстремизм

Аннотация

Цель: на основании изучения статистики преступлений, национального законодательства и норм международного права дать правовую оценку ограничениям права на свободу вероисповедания с применением технологий искусственного интеллекта в Китае.

Методы: методологическую основу исследования составляет совокупность методов научного познания, в том числе конкретно-социологический (анализ статистических данных и иных документов), формально-юридический (изучение правовых категорий и дефиниций), формально-логические методы (анализ и синтез), общенаучные методы (индукция, дедукция) и др.

Результаты: в работе изучены предпосылки использования в Китае технологий искусственного интеллекта для контроля за общественными отношениями, возникающими в процессе религиозной активности как в цифровом пространстве, так и за его пределами; проанализирована правовая база применения указанных мер; дана правовая оценка ограничения религиозной свободы с использованием технологий искусственного интеллекта; сделан прогноз дальнейшего развития китайского законодательства и внешней политики, связанных с религиозной свободой. Дополнительно в работе проанализированы материалы правозащитных организаций, направленных на сдерживание

✉ Контактное лицо

© Шумакова Н. И., Титова Е. В., 2023

Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал при условии, что оригинальная работа упомянута с соблюдением правил цитирования.

политики КНР по «китаизации» и «деэкстремификации» этнических и религиозных меньшинств, в том числе при помощи контроля и пропаганды с использованием современных цифровых технологий.

Научная новизна: в работе исследована попытка Китая урегулировать связанные с религиозной активностью вызовы, возникающие в процессе стремительной цифровизации общества и государства, с которыми республика сталкивается как развивающаяся, многонациональная и поликофессиональная страна. Установленные ограничения религиозной свободы с применением технологий искусственного интеллекта рассмотрены в комплексе с релевантной статистикой преступлений. Правовая оценка применения искусственного интеллекта как инструмента ограничения свободы вероисповедания дана не только с точки зрения международного права, но и с учетом норм китайского национального законодательства.

Практическая значимость: результаты проведенного исследования могут быть использованы для разработки непротиворечивой нормативной правовой базы для использования технологий искусственного интеллекта в целях противоборства экстремизму.

Для цитирования

Шумакова, Н. И., Титова, Е. В. (2023). Искусственный интеллект как вспомогательный инструмент ограничения религиозной свободы в Китае. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(2), 540–563. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.23>

Содержание

Введение

1. Гарантии и ограничения религиозной свободы
2. Правовая база для установления контроля за религиозной активностью
3. Применение искусственного интеллекта для реализации контроля за религиозной активностью
4. Статистика преступлений как основание установления контроля за религиозной активностью
5. Применение искусственного интеллекта и цифровых технологий за контролем религиозной активности в проблемных регионах

Выводы

Список литературы

Введение

Процесс цифровизации общественных отношений переносит в новую плоскость реализацию фундаментальных прав человека, в частности, права на религиозную свободу. К. А. Бингаман, признавая этот процесс необратимым, подчеркивает, что он размывает грань между реальным и виртуальным в аспектах отправления религиозных служб и ритуалов (Bingaman, 2023). Похожей концепции придерживаются Э. Марик и Й. Марик, описывающие цифровое пространство как «современную общественную площадь», объединяющую виртуальные действия с реальными последствиями, а потому требующую особого регулирования (Marique & Marique, 2020). К. Ашраф, в свою

очередь, говорит о возможности выделения цифровой религии в самостоятельный институт (Ashraf, 2020). Эту теорию подтверждают его каталонские коллеги, называющие платформы цифровой религиозной активности «новыми общественными пространствами, способствующими созданию социальной идентичности молодых людей» (Bosch et al., 2017).

Появление и развитие онлайн-организаций, оказывающих религиозные услуги, как и общественные отношения, возникающие в процессе онлайн-коммуникации на религиозную тематику, создают дополнительные вызовы, зачастую ведущие к ограничению права на свободу вероисповедания. В частности, рассуждая о феномене онлайн-экстремизма, К. В. Бхатия, обращаясь к результатам исследований Л. Доусана и Д. Коуэна (Bhatia, 2021), отмечает, что неограниченный доступ к созданию, распространению и потреблению онлайн-информации приводит к кризису власти в цифровом пространстве, а также к кризису аутентичности, связанному с содержанием распространяемых материалов.

Указывает на рост онлайн-распространения экстремистских материалов и ОБСЕ¹, в то время как Генеральная Ассамблея ООН² призывает обратить внимание на статистику инцидентов, связанных с использованием цифровых площадок для разжигания ненависти, а также поддержки и финансирования экстремистских групп.

Необходимость защиты от угроз, связанных с растущей цифровизацией всех сфер жизни общества и государства, обсуждается и китайскими учеными. К. Уэй, например, в своей исследовательской работе «Критическая оценка правовой реакции Китая на кибертерроризм» называет кибертерроризм особым видом угрозы стабильности и безопасности государств, а существующее на сегодняшний день китайское законодательство, как и меры по его реализации, характеризует как недостаточные для обеспечения устранения этой угрозы (Wei, 2022). Столь категоричный взгляд на активность в цифровом пространстве косвенно подтверждается исследованиями распространяемого контента, ведущего к «массовой поляризации» отношения в обществе к терроризму и экстремизму (Guan & Liu, 2019).

А. Сабик-эль-Райесс также называет социальные сети в числе основных источников распространения информации, способствующей радикализации населения и, как следствие, актам насилия (Sabic-El-Rayess, 2012). Ссылаясь на заметные психологические изменения, связанные с процессом коммуникации в цифровом пространстве и ведущие к радикализации, ряд ученых в качестве мер предупреждения и противодействия предлагает применять машинное обучение не только для обнаружения определенных типов сообщений, но и для изучения лонгитюдных общедоступных данных социальных сетей с целью выявления индивидуальных изменений в публикациях и определенных типах сообщений (Smith et al., 2020).

Л. Ф. С. Менесес, также говоря о негативных психологических изменениях, называет неконтролируемое распространение непроверенной информации в цифровой

¹ ПА ОБСЕ против COVID-19. 1 этап. Размышления, предлагаемые стратегии и рекомендации, представленные Председателем ПА ОБСЕ Георгием Церетели. (2020). *OSCE PA Reports*. <https://www.oscepa.org/en/documents/president/reports-22/>

² Генеральная Ассамблея ООН. (2020, 18 июня). Расовая дискриминация и инновационные цифровые технологии: правозащитный анализ : доклад Специального докладчика по вопросу о современных формах расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости. *Report of the Special Procedure of the Human Rights Council*. <https://digitallibrary.un.org/record/3879751?ln=ru>

среде «кризисом правды» и акцентирует внимание на деструктивном влиянии данного феномена на способность индивида к критическому мышлению (Meneses, 2021). Исследования на фокус-группе из Гонконга во время протестов 2019 г. также доказывают, что демонстрация определенных изображений и видео способна оказывать значительное давление на критическое мышление (Chan, 2019).

Если исходить из анализа материалов предыдущих исследований, становится очевидным, что невозможность применения традиционных механизмов регулирования в сети Интернет стала непосредственной причиной применения искусственного интеллекта (далее – ИИ) в качестве инструмента государственного контроля в цифровом пространстве. На возможность использования его алгоритмов для изучения религиозной активности и непосредственно самой религии указывает Р. Рид, отмечая, что сбор, сортировка и хранение информации неизбежно будут производить впечатление тотальной слежки, и предлагая задуматься о роли религии в принятии обществом тех или иных идей (Reed, 2021).

В то же время современные цифровые технологии могут рассматриваться как вспомогательные инструменты борьбы с преступлениями, направленными на разжигание ненависти по этническому и религиозному признакам, нарушение территориальной целостности и свержение государственной власти и другое за пределами цифрового пространства.

На необходимость использования ИИ органами правопорядка указывают и ряд исследователей (Kao & Sapp, 2022; Fontes et al., 2022), в работах которых упоминается о побочных эффектах злоупотребления использованием ИИ, главным среди которых является дестабилизация общества.

Целью настоящей статьи является правовая оценка применения искусственного интеллекта и иных цифровых технологий с целью контроля за религиозной активностью в Китайской Народной Республике (далее – КНР). Для ее достижения в процессе исследования были выявлены особенности реализации права на свободу вероисповедания в КНР, проанализирована статистика преступлений, связанных с экстремизмом и религиозной нетерпимостью, изучены материалы слушания, проведенного Комиссией Соединенных Штатов Америки по международной свободе вероисповедания (US Commission on International Religious Freedom (USCIRF)). В заключительной части сделана попытка прогнозирования дальнейшего развития китайских политики и законодательства по отношению к религиозной свободе.

1. Гарантии и ограничения религиозной свободы

Ст. 36 Конституции КНР устанавливает, что «граждане Китайской Народной Республики обладают свободой вероисповедания»³, закрепляя запреты на принуждение к «вере или неверию» и дискриминацию по религиозному признаку. В то же время ст. 36 содержит важную оговорку: государство обязуется защищать только «нормальную религиозную активность». Притом четкого определения термина «нормальная религиозная активность» в основном законе Китая нет, оно лишь обрисовывается.

³ Constitution of the People's Republic of China от 4 декабря 1982 г. (с изм. и доп. в ред. от 11 марта 2018 г.). *The National People's Congress of the People's Republic of China*. <https://www.npc.gov.cn/englishnpc/constitution2019/201911/1f65146fb6104dd3a2793875d19b5b29.shtml>

Исходя из текста, под этим понимается религиозная активность, не нарушающая общественный порядок, не создающая риск вреда здоровью граждан, не содержащая признаков общественной деятельности и не вмешивающаяся в государственную систему образования. Рассматриваемая статья также содержит указание на то, что религиозные группы и отношения, связанные с их деятельностью, не могут находиться под контролем иностранных сил.

В целом же в Китае существует целый пласт законов и иных нормативных правовых актов, нормы которых так или иначе направлены на обеспечение, защиту и регулирование общественных отношений, связанных с реализацией свободы вероисповедания, в числе которых Уголовный кодекс КНР (1997)⁴, Основной закон Гонконга (1997)⁵, Основной закон Макао (1999)⁶, Закон о труде (1985)⁷, Закон об обязательном образовании (1986)⁸, Закон о региональных национальных автономиях КНР (1984)⁹, Закон о собраниях и демонстрациях в КНР (1989)¹⁰, Закон о рекламе¹¹ и др.

Практически каждый нормативный правовой акт КНР гарантирует недопустимость дискриминации по религиозному признаку и неотчуждаемость религиозной свободы. В то же время, изучив китайское законодательство, можно сделать заключение о его направленности на недопустимость проникновения религии в социальные институты, более того, становится очевидным, что Китай стремится к превращению религии в инструмент государственной власти. На это еще в 2005 г., после вступления в силу первой редакции «Положений по делам религии»¹², указывала в своей работе Б. Люн (Leung, 2005).

Более поздние исследования лишь подтверждают попытки китайского правительства «китаизировать», или, иначе говоря, адаптировать религию к системе социалистических ценностей (Lavička, 2021), где конечной целью являются детальное регулирование религиозной деятельности, подавление несанкционированных религиозных групп и уменьшение влияния религии (Lin, 2018). Именно для их достижения

⁴ 中华人民共和国主席令 от 14 марта 1997 г. 新华网 (год публикации не указан). https://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/lfzt/rlys/2008-08/21/content_1882895.htm

⁵ Basic Law от 4 апреля 1990. *The Government of the Hong Kong Special Administrative Region, Hong Kong Basic Law Drafting Committee* (год публикации не указан). <https://www.basiclaw.gov.hk/en/basiclaw/chapter1.html>

⁶ The Basic Law of the Macao SAR от 31 марта 1993 г. (2014). *Macao government web*. https://www.zlb.gov.cn/2014-06/26/c_126677086_4.htm

⁷ 中华人民共和国劳动法 от 5 июля 1994. 中国政府门户网站, 全国人大法规库 (год публикации не указан). https://www.gov.cn/banshi/2005-05/25/content_905.htm

⁸ 中华人民共和国义务教育法 中华人民共和国主席令 38 от 4 апреля 1986 г. (2006). *China Educational and Research Network*. https://www.edu.cn/edu/zheng_ce_gs_gui/jiao_yu_fa_lv/200603/t20060303_165119.shtml

⁹ 中华人民共和国民族区域自治法 от 5 мая 1984 г. № GJXFJ-0000-2014-00084 (с изм. и доп. В ред. от 28 февраля 2001) (2005). 中国政府门户网站. https://www.gov.cn/ziliao/flfg/2005-09/12/content_31168.htm

¹⁰ 中华人民共和国集会游行示威法 от 31 октября 1989 г. № GJXFJ-0000-2014-00084 (2014, 12 мая). 国家信访局门户网站. <https://www.gjxfj.gov.cn/gjxfj/fwgj/flfg/webinfo/2014/05/1601761496620028.htm>

¹¹ 中华人民共和国广告法 от 27 октября 1994 г. (с изм. и доп. в ред. от 24 апреля 2015) (2015). 中国人大网【字体: 大 中 小】打印. https://www.gov.cn/guoqing/2021-10/29/content_5647620.htm

¹² Religious Affairs Regulations от 7 июля 2004 г. № 426. *State Council of the People's Republic of China*. <https://www.refworld.org/pdfid/474150382.pdf>

государственному регулированию подлежат абсолютно все религиозные отношения, которые в какой-либо степени затрагивают интересы государства и общества.

В качестве гарантии обеспечения свободы вероисповедания данные нормы закреплены в ст. 6 «Положений по делам религий»¹³ (2017). Кроме того, 1 марта 2022 г. в Китае в силу вступили «Меры по администрированию предоставления религиозных услуг в Интернете»¹⁴ – резонансный подзаконный нормативный правовой акт, принятый Государственным управлением по делам религий совместно с Государственным управлением информации в Интернете, Министерством промышленности и информационных технологий, Министерством общественной безопасности и Министерством государственной безопасности КНР. Он стал логическим продолжением «Закона о кибербезопасности граждан КНР»¹⁵ (2017), «Положения по делам религий»¹⁶ (2017), а также «Мер по администрированию предоставления информационных услуг в интернете»¹⁷ (2000). Очевидно, что его принятие было ответом на появление услуг по виртуальному отправлению религиозных ритуалов, расцвет которых пришелся на период пандемии коронавируса. Так, например, в Китае появились приложения для виртуального возжигания благовоний, чаты для чтения мантр и молитв и иные способы проявления религиозной активности в цифровом пространстве.

В официальном пресс-релизе к «Мерам по администрированию предоставления религиозных услуг в Интернете»¹⁸, опубликованном на сайте Комиссии по делам национальностей и религий провинции Чжэцзян, говорится о необходимости стандартизации онлайн-сервисов с религиозной тематикой. Там же Государственное управление по делам религий делает акцент на том, что цифровое пространство Китая не может рассматриваться как «особая зона религиозной деятельности» или «анклав религиозного и общественного мнения».

Вступивший в силу нормативный правовой акт¹⁹ устанавливает стандарты предоставления религиозных услуг и распространения любой религиозной информации. Так, согласно ст. 6 только зарегистрированные на территории Китая организации могут осуществлять данную деятельность, любое участие в ней иностранцев запрещается. Положения этой статьи распространяются на любую информацию,

¹³ 宗教事务条例 中华人民共和国国务院令 686 от 26 августа 2017 г. № 000014349/2017-00167. (2017, 7 сентября). 中华人民共和国国务院令. https://www.gov.cn/zhengce/content/2017-09/07/content_5223282.htm

¹⁴ 互联网宗教信息服务管理办法 от 3 декабря 2021 г. № 17. (2021). 国家互联网信息办公室、中华人民共和国工业和信息化部、中华人民共和国公安部、中华人民共和国国家安全部令. https://www.gov.cn/gongbao/content/2022/content_5678093.htm

¹⁵ 中华人民共和国网络安全法 от 7 ноября 2016 г. (2016). 新华社北京. https://www.gov.cn/xinwen/2016-11/07/content_5129723.htm

¹⁶ 宗教事务条例 中华人民共和国国务院令 686 от 26 августа 2017 № 000014349/2017-00167. (2017, 7 сентября). 中华人民共和国国务院令. https://www.gov.cn/zhengce/content/2017-09/07/content_5223282.htm

¹⁷ 互联网信息服务管理办法 от 25 сентября 2000 № 292 (с изм. и доп. в ред. от 8 января 2011). 日中华人民共和国国务院令第. https://www.gov.cn/zhengce/2020-12/26/content_5574367.htm

¹⁸ 国家宗教事务局相关负责人就《互联网宗教信息服务管理办法》答记者问 от 28 февраля 2022 г. № 002482103/2022-00007. (2022, 28 февраля). 浙江省民宗委. https://mzw.zj.gov.cn/art/2022/2/28/art_1229468422_2394644.html

¹⁹ 互联网宗教信息服务管理办法 от 3 декабря 2021 г. № 17. (2021). 国家互联网信息办公室、中华人民共和国工业和信息化部、中华人民共和国公安部、中华人民共和国国家安全部令. https://www.gov.cn/gongbao/content/2022/content_5678093.htm

связанную с религией, в том числе визуальную, распространение которой происходит через интернет-сайты, приложения, форумы, блоги, микроблоги, мессенджеры, онлайн-трансляции и т. д. Притом необходимо помнить, что в Китае официально признаются только пять религий²⁰: буддизм, даосизм, ислам, протестантизм и католицизм. А это означает, что представители других конфессий, прежде занимавшиеся миссионерской деятельностью и отправляющие религиозные услуги на территории Китая онлайн, отныне лишены такой возможности.

Международная реакция на разработку и применение подобных мер не заставила себя ждать. 13 сентября 2022 г. Комиссия Соединенных Штатов Америки по международной свободе вероисповедания (US Commission on International Religious Freedom (USCIRF)) провела слушания²¹, в ходе которых в адрес Китая прозвучали обвинения в препятствии реализации права на свободу вероисповедания на трех уровнях: публичном, частном и цифровом.

Из показаний свидетелей слушания следовало, что китайское правительство применяет современные цифровые технологии:

- для отслеживания местонахождения верующих;
- отслеживания любой активности пользователя как в цифровом пространстве, так и в реальной жизни;
- распознавания речи;
- распознавания лиц;
- сбора информации о ведении религиозных групп в сети Интернет.

Из материалов слушания следует, что вступление в силу «Мер по администрированию предоставления религиозных услуг в Интернете»²², по заявлению обвиняющей стороны, способно усугубить религиозные гонения в стране. КНР также обвинили в том, что избранный курс на укрепление народного единства и «китаизацию» религий на самом деле нацелен на истребление традиционной культуры и ценностей. Применение же современных технологий, в том числе технологий ИИ в качестве вспомогательного инструмента реализации данного нормативного правового акта, было охарактеризовано как проявление «цифрового авторитаризма». Кроме того, сторона обвинения потребовала применения к Китаю санкций и мер, направленных на нарушение его суверенитета, включая вмешательство США во внутреннюю политику страны.

Ранее аналогичные обвинения были предъявлены КНР Управлением Верховного комиссара ООН по правам человека²³ в докладе о нарушении прав человека в Синьцзяне.

²⁰ 中国宗教概况. 宗教局, 中国政府门户网站 (год публикации не указан). https://www.gov.cn/test/2005-06/22/content_8406.htm

²¹ Hearing Before the Congressional-Executive Commission on China. September 13, 2022. (2023). *Control of Religion in China through Digital Authoritarianism*. Washington: U.S. Government publishing office. <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-117jhr48647/pdf/CHRG-117jhr48647.pdf>

²² 互联网宗教信息服务管理办法 от 3 декабря 2021 № 17. (2021). 国家互联网信息办公室、中华人民共和国工业和信息化部、中华人民共和国公安部、中华人民共和国国家安全部令. https://www.gov.cn/gongbao/content/2022/content_5678093.htm

²³ OHCHR Assessment of human rights concerns in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region, People's Republic of China от 31 августа 2022. (2022). UN Human Rights Office. <https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/countries/2022-08-31/22-08-31-final-assessment.pdf>

2. Правовая база для установления контроля за религиозной активностью

Общим основанием применения технологий ИИ для обеспечения цифровой безопасности и борьбы с киберпреступностью, в том числе с распространением экстремистских религиозных материалов, являются следующие статьи Закона о кибербезопасности граждан КНР²⁴:

- ст. 21, согласно которой операторы связи обязаны классифицировать и хранить в течение полугода журналы сетевой активности пользователей;
- ст. 46, запрещающая создавать сайты и коммуникационные группы для использования в противозаконных целях либо для распространения противозаконной информации;
- ст. 47, обязующая операторов связи усилить управление информацией, публикуемой пользователями, и немедленно прекращать передачу данных в случае выявления противоправной активности, а затем принять меры по обработке и ликвидации данных, нарушающих законодательство страны. Сохраненные доказательства должны быть направлены в компетентный орган;
- ст. 51, утверждающая создание государственной системы мониторинга цифровой безопасности. Как следует из данной статьи, государственные департаменты кибербезопасности и информатизации обязаны осуществлять общую координацию других релевантных департаментов с целью улучшения эффективности сбора, анализа и представления информации о кибербезопасности с целью раннего предупреждения рисков нарушения цифровой безопасности;
- ст. 58, позволяющая применять временные меры к сетевым коммуникациям в определенных районах, в том числе меры по их ограничению для защиты национальной безопасности и общественного порядка, а также в качестве реагирования на крупные происшествия, подрывающие безопасность общества;
- ст. 68, предусматривающая ответственность для операторов связи за неприменение мер реагирования в случае выявления распространения противозаконной информации.

Данные нормы Китай намерен применять и к регулированию генеративного ИИ. Например, ст. 12 проекта «Мер по управлению услугами генеративного ИИ»²⁵ приравнивает поставщиков таких услуг к производителям контента и обязывает следить, чтобы сгенерированные тексты, фото- и аудиовизуальные материалы не были дискриминирующими по какому-либо признаку. В этом же проекте ст. 19 предусматривает ответственность и для пользователей услуг генеративного ИИ за создание противоправных материалов.

3. Применение искусственного интеллекта для реализации контроля за религиозной активностью

Не меньший интерес представляет и то, как именно планируется реализовывать положения «Мер по администрированию предоставления религиозных услуг в Интернете»²⁶. В вышеупомянутом официальном пресс-релизе говорится, что заниматься

²⁴ 中华人民共和国网络安全法 от 7 ноября 2016 г. (2016). 新华社北京. https://www.gov.cn/xinwen/2016-11/07/content_5129723.htm

²⁵ 生成式人工智能服务管理办法（征求意见稿） от 11 апреля 2023 г. (2023). 国家互联网信息办公室. https://www.cac.gov.cn/2023-04/11/c_1682854275475410.htm

²⁶ 互联网宗教信息服务管理办法 от 3 декабря 2021 г. № 17. (2021). 国家互联网信息办公室、中华人民共和国工业和信息化部、中华人民共和国公安部、中华人民共和国国家安全部令. https://www.gov.cn/gongbao/content/2022/content_5678093.htm

этим будут совместно Государственное управление по делам религий, Государственное управление интернет-информации, Министерство промышленности и информационных технологий, Министерство общественной безопасности и Министерство государственной безопасности, а значит, и аффилированные с ними компании, например, такие как:

- iFLYTEK Co., Ltd.²⁷ – китайская государственная компания, применяющая ИИ для изучения и распознавания речи, включая редкие языки и диалекты (в том числе тибетский и уйгурский);

- CloudWalk Technology Co., Ltd.²⁸ – занимающаяся технологиями распознавания человеческого лица, тела и голоса, данная компания, как следует из информации, размещенной на ее официальном сайте, также занимается профилированием и изучением паттернов поведения;

- China Electronics Technology Group Corporation²⁹ – еще одна государственная компания, занимающаяся в том числе разработками программного обеспечения и инновациями в области обеспечения безопасности и применения ИИ;

- Qihoo 360³⁰ – провайдер бесплатной интернет- и мобильной безопасности, которой принадлежат 360 Total Security, 360 Mobile Security, 360 Security и другие продукты для обеспечения национальной безопасности с применением технологий ИИ. Компания также занимается обучением специалистов в данной отрасли;

- Huawei Technologies³¹ – один из крупнейших производителей телекоммуникационного оборудования в мире. Из размещенных на официальном сайте компании в общем доступе рекламных материалов следует, что их разработки могут помочь идентифицировать индивидов по голосу, управлять идеологическим перевоспитанием заключенных, отслеживать политических активистов, использовать технологию распознавания лиц для отслеживания покупателей и т. д. Компания также занимается разработками программного обеспечения, позволяющего использовать сканирование лица в целях передачи информации органам правопорядка.

Помимо этого, не стоит забывать, что технологии ИИ для контроля за религией используются и вне пределов цифрового пространства. В частности, Hangzhou Hikvision Digital Technology Co., Ltd., если верить данным Комиссии США по международной религиозной свободе³² за 2019 г., к 2035 г. планирует установить камеры в 967 мечетях, что позволит им не только отслеживать при помощи системы распознавания лиц всех посетителей, но и следить за тем, насколько проповеди отвечают букве закона. Исходя из положений ст. 9 «Положения Синьцзян-Уйгурского автономного

²⁷ About iFLYTEK Create A Better World With A.I. <https://global.iflytek.com>

²⁸ CloudWalk Technology Co., Ltd. <https://www.cloudwalk.com>

²⁹ China Electronics Technology Group Corporation. https://www.cetcei.com/enzgdkj/about_us/introduction29/index.html

³⁰ Qihoo 360. <https://www.360.cn/>

³¹ Nowhere to hide: Building safe cities with technology enablers and AI. <https://www.huawei.com/en/huaweitech/publication/winwin/AI/nowhere-to-hide>

³² Religious Freedom in China's High-Tech Surveillance State. (2019, September). USCIRF Country Update: China. <https://www.uscifr.gov/publications>

района о деэкстремификации»³³ (2017), ИИ будет распознавать следующие признаки экстремизма:

- ношение бурки, закрывающей лицо, либо попытки заставить других носить данный вид одежды, а также ношение иных экстремистских символов (п. 7);
- распространение идей религиозного фанатизма посредством ношения большой бороды и/или использования определенных имен (п. 8);
- заключение брака либо расторжение одного по религиозным обычаям без государственной регистрации.

Отдельного внимания заслуживает п. 5 рассматриваемого акта, где в качестве проявления экстремизма указывается отказ от пользования телевидением и радио, а это предполагает наличие автоматизированного мониторинга данного вида активности.

4. Статистика преступлений как основание установления контроля за религиозной активностью

Контроль за религиозной активностью в проблемных регионах, в особенности в Синьцзян-Уйгурском автономном округе (далее – СУАР), как следует из Белой книги китайского правительства «Борьба с терроризмом и экстремизмом и защита прав человека в СУАР»³⁴ (2019), является частью государственной программы по борьбе с терроризмом и экстремизмом, направленной на защиту представителей других конфессий и этнических групп и защиту прав человека в целом.

В этом же документе приводится следующая статистика преступлений, сопряженных с сепаратизмом и религиозным экстремизмом, с примечанием о том, что она не является полной:

- а) террористические акты и угроза общественной безопасности:
 - 05.02.1992 – подрыв двух пассажирских автобусов в Урумчи (3 убитых, 23 раненых);
 - 25.02.1997 – подрыв трех пассажирских автобусов в Урумчи (9 убитых, 68 раненых);
 - 23.05.1998 – террористы разместили более 40 самовоспламеняющихся устройств в людных местах в Урумчи, что привело к 15 случаям поджогов;
 - 07.03.2008 – попытка взрыва борта на рейсе CZ6901 из Урумчи в Пекин;
 - 30.06.2011 – в Кашгаре двое террористов завладели грузовиком, убив водителя, а затем умышленно совершили наезд на толпу. После этого они напали с холодным оружием на пешеходов (8 убитых, 27 раненых);
 - 31.06.2011 – в Кашгаре террористы напали с холодным оружием на пешеходов (6 убитых, 16 раненых);
 - 29.07.2012 – попытка захвата борта на рейсе GS7554 из Хотана в Урумчи;

³³ 新疆维吾尔自治区去极端化条例 от 27 марта 2017 г. № mzi/2020-00007 (с изм. и доп. в ред. от 9 мая 2019 г.) (2019). 新疆人大网 更新时间. <https://www.xjpcsc.gov.cn/article/225/lfgz.html>

³⁴ 新疆维吾尔自治区打击恐怖主义和极端主义和保护人权 从 2019 年 3 月 (2021). 中华人民共和国国务院新闻办公室. https://geneva.china-mission.gov.cn/chn/ztjs/ajljdiowqjknew/baipishu/202110/t20211014_9587970.htm

- 28.10.2013 – теракт в центре Пекина: террористы направили джип с 31 бочкой бензина в сторону туристов и дежурных полицейских, после чего подожгли его (2 убито, 40 ранено);
- 01.03.2014 – террористы с холодным оружием атаковали людей на железнодорожной станции в Куньмине (31 убит, 141 ранен);
- 30.04.2014 – один террорист атаковал пассажиров на железнодорожной станции Урумчи, второй в это же время привел в действие взрывное устройство (3 убито, 79 ранено);
- 22.05.2014 – пятеро террористов на легковых автомобилях въехали в толпу в Урумчи, после чего привели в действие взрывное устройство (39 убито, 94 ранено);
- 18.09.2015 – террористы атаковали угольную шахту в округе Аксу (16 убито, 18 ранено);
- б) убийства религиозных лидеров:
 - 24.08.1993 – двое террористов предприняли попытку убийства имама Муллаха Абулицы в Кашкаре;
 - 22.03.1996 – двое в масках застрелили вице-президента Исламской Ассоциации Уезда Токсу и помощника имама Акемусидике Аджи;
 - 12.05.1996 – предпринята попытка убийства вице-президента исламской ассоциации Китая, президента Исламской ассоциации Синьцзяна и хатипа мечети Ид Ках в Кашгаре Аронгхан Аджи;
 - 06.10.1997 – был застрелен старший мулла Юнуси Сидике, член Китайской исламской ассоциации, президент Аксуской исламской ассоциации и имам Большой мечети уезда Бай;
 - 27.01.1998 – застрелен Абулиджи Аджи, имам Большой мечети уезда Бай;
 - 30.10.2014 – старший мулла Джума Тайер, вице-президент Исламской ассоциации Синьцзяна и имам мечети Ид Ках, был зверски убит тремя террористами по пути домой после утренней молитвы Фаджр;
- в) нападения на государственные органы и общественные беспорядки:
 - 05.04.1990 – группа террористов в количестве более 200 человек совершила нападение на здание правительства поселка Барен Актюньского района Кызылсуйской Киргизской автономной префектуры, похитив 10 человек и убив 6 сотрудников полиции;
 - 27.08.1996 – атакована резиденция правительства поселка Цзянгэлеси округа Ечэн префектуры Кашгар, убиты заместитель главы поселка, дежурный полицейский и трое охранников;
 - 05–08.02.1997 – в ходе беспорядков в Инине 7 человек погибли и 198 получили ранения;
 - 24.10.1999 – вооруженное нападение на полицейский участок в поселке Саили уезда Зепу префектуры Кашгар. Один охранник общественной безопасности убит, второй ранен. Также ранения получили один находящийся под стражей и один полицейский;
 - 05.07.2009 – беспорядки в Урумчи: тысячи террористов совершили нападения на мирных жителей, правительственные органы, сотрудников органов общественной безопасности и полиции, жилые дома, магазины и объекты общественного транспорта, в результате чего 197 человек погибло и более 1700 человек получили ранения;
 - 04.08.2008 – террористы въехали на угнанном самосвале в пограничников, участвовавших в учениях в городе Кашгар, после чего бросили самодельные гранаты. 16 человек погибли и 16 получили ранения;

– 23.04.2013 – общественные работники обнаружили террористов, производящих взрывчатку в частном доме в Селибуя, и были убиты на месте. Далее террористы совершили нападение на сотрудников местных органов власти и полицейских, в результате чего 15 человек погибли и 2 получили тяжелые ранения;

– 26.06.2013 – совершены нападения на полицейский участок, патрульных, резиденцию местного правительства и строительные площадки в Лукэцине – 24 человека погибли и 25 получили ранения;

– 28.07.2014 – террористы с ножами и топорами напали на здание правительства и полицейский участок города Айликсиху. Затем некоторые из них двинулись в город Хуанди, где они напали на мирных жителей – 37 человек погибли и 13 получили ранения;

– 21.09.2014 – совершены нападения на полицейский участок и фермерский рынок города Янся, полицейский участок города Тирекебажа и магазин в уездном центре Лунтай Байингольской автономной префектуры Монголии – 10 человек погибло, 54 получили ранения;

– 28.12.2016 – террористы въехали во двор здания правительства уезда Моюй, привели в действие самодельное взрывное устройство и напали на сотрудников правительства – 2 человека погибли и 3 получили ранения.

Приведенную в указанной Белой книге правительства³⁵ статистику не представляется возможным ни подтвердить, ни дополнить из иных официальных источников, так как доступ к данным либо заархивирован, либо ограничен для иностранцев. В целом возникают сомнения относительно точности статистических данных, находящихся в открытом доступе. Так, исходя из материалов, приведенных Бюро по борьбе с терроризмом и противодействию насильственному экстремизму³⁶, в Китае не было зарегистрировано ни одного террористического акта или актов экстремизма, сопряженных с применением насилия, с 2016 г. Чему противоречит ранее приведенное сообщение о взрыве самодельного устройства и гибели пятерых человек недалеко от уезда Пишан в СУАР в 2017 г.³⁷ Отчет Народной прокуратуры СУАР за 2017 г.³⁸ никак не выделяет данный инцидент в общей статистике преступлений.

Согласно отчету правозащитной организации Human Rights Watch³⁹, со ссылкой на предположительно официальную статистику, предоставленную КНР, с 2017 по 2022 г., на февраль 2022 г. общее число обвинительных приговоров по статьям, связанным с экстремизмом, в данном регионе составило 540 826. В этом же отчете еще раз делается акцент на том, что Китай регулярно засекречивает полные данные, в том числе полностью закрыт доступ к приговорам судов и невозможно получить

³⁵ 新疆维吾尔自治区打击恐怖主义和极端主义和保护人权 от марта 2019 г. (2021). 中华人民共和国国务院新闻办公室. https://geneva.china-mission.gov.cn/chn/ztjs/ajljdiowqjknew/baipishu/202110/t20211014_9587970.htm

³⁶ Bureau of Counterterrorism. (2020). *Country Reports on Terrorism 2020: China (Hong Kong and Macau)*. <https://www.state.gov/reports/country-reports-on-terrorism-2020/china>

³⁷ Bureau of Counterterrorism. (2020). *Country Reports on Terrorism 2017: Country Reports on Terrorism*. <https://www.state.gov/reports/country-reports-on-terrorism-2017/>

³⁸ 自治区人民检察院工作报告 от 23 января 2018. (2018). 新疆维吾尔自治区人民检察院. <https://archive.ph/5MLLE>

³⁹ China: Xinjiang Official Figures Reveal Higher Prisoner Count от 14 сентября 2022. (2022). *Human Rights Watch*. <https://www.hrw.org/news/2022/09/14/china-xinjiang-official-figures-reveal-higher-prisoner-count>

информацию, за совершение каких именно преступлений, сопряженных с экстремизмом, эти приговоры были вынесены.

Довольно впечатляющую статистику приводит в уже ранее упомянутом исследовании К. Уэй (Wei, 2022), согласно которой, в XXI в. терроризм в Китае перешел в цифровое пространство и основными его проявлениями на всей территории страны стали вспомогательные действия, ведущие к таким реальным террористическим актам и нарушениям общественного порядка, как использование Интернета для распространения противоправной информации, подстрекательства к совершению преступлений и пропаганды, связанной с экстремизмом (64 %), владение аудиовизуальными материалами или другими предметами, которые могут быть использованы для совершения терактов (33,9 %).

5. Применение искусственного интеллекта и цифровых технологий за контролем религиозной активности в проблемных регионах

Говоря о СУАР, следует учитывать, что основой установления цифрового контроля за реализацией права на свободу вероисповедания там является локальный нормативный правовой акт «Положение Синьцзян-Уйгурского автономного района о деэкстремификации»⁴⁰ (2017). В том числе п. 13 ст. 9 данного акта запрещает «публикацию, распространение, скачивание, хранение аудио- и видеоматериалов экстремистского содержания», равно как и доступ к таким материалам, а ст. 26 наделяет департаменты телекоммуникаций и операторов телекоммуникаций правом заниматься мониторингом систем и применять технические меры к обмену голосовыми текстовыми сообщениями, разговорам по мобильной и телефонной связи и использованию других телекоммуникационных инструментов. В случае выявления информации экстремистского содержания оператор обязан прервать трансляцию, удалить все релевантные материалы, зафиксировать доказательства и доложить о произошедшем. В то же время ст. 3 дает определение религиозному экстремизму – это «распространение радикальной религиозной идеологии посредством высказываний и действий, отрицание нормального производства и жизнедеятельности и воспрепятствование им» и «предложения и действия с использованием искажения религиозных учений или других средств для разжигания ненависти или дискриминации и пропаганды насилия». «Положение Синьцзян-Уйгурского автономного района о деэкстремификации»⁴¹ является частью кампании «Мощный удар по терроризму», разработанной в целях борьбы с экстремизмом и терроризмом в СУАР⁴².

Полагаем, что технологии ИИ будут применяться и для цифрового контроля в Тибете. Несмотря на то, что общественные беспорядки в этом регионе не принято относить к террористической активности, учитывая его исторические взаимоотношения с Китаем, последний опасается нового роста сепаратистских настроений в нем.

⁴⁰ 新疆维吾尔自治区去极端化条例 от 27 марта 2017 № mzi/2020-00007 (с изм. и доп. в ред. от 9 мая 2019) (2019). 新疆人大网 更新时间. <https://www.xjpcsc.gov.cn/article/225/lfgz.html>

⁴¹ Там же.

⁴² 公安部开展严厉打击暴力恐怖活动专项行动 (2014, May 25). 中央政府门户网站//新华社. https://www.gov.cn/xinwen/2014-05/25/content_2686705.htm

В качестве основной предпосылки таких опасений здесь нужно рассматривать протесты, устроенные буддийскими монахами в марте 2008 г. в Лхасе и переросшие в массовые беспорядки, во время которых, помимо всего прочего, был совершен поджог главной мечети города (Van Wie Davis, 2009)⁴³. На сегодняшний день достаточно проблематично получить доступ к официальной статистике, но Ван Ви Дэйвис в своем исследовании этого вопроса, со ссылкой на данные, предоставленные местным правительством, указывает, что во время протестов погибло 16 человек, четверо из которых – работники отеля и хозяева магазинов, умышленно сожженные заживо.

Также в марте 2008 г. протестующие с самодельными взрывными устройствами атаковали офисы правительства, полицейские участки, госпитали, школы, банки и рынки под лозунгом «Свободу Тибету!» в юго-западной части провинции Сычуань. Ван Ви Дэйвис, со ссылкой на данные полиции, указывает, что нападения были организованы буддийскими монахами и направлены в том числе против мусульманской части населения, в связи с чем 15 марта 2008 г. полиция была вынуждена оцепить мусульманский квартал Лхасы⁴⁴.

Правительство Китая приняло ряд превентивных мер для дерадикализации Тибета, из которых наибольший интерес для данного исследования представляет вступившее в силу «Положение о создании образцовой зоны этнического единства и прогресса в Тибетском автономном районе»⁴⁵ (2020). Положение это направлено в первую очередь на уже упомянутую ранее «китаизацию» религии и интеграции в нее идеи этнического единства, как следует из ст. 19 данного нормативного акта. К идее национального единства и прогресса обязаны призывать и онлайн-агентства – эта норма закреплена в ст. 27. На санкции же указывает ст. 46 – наказание предусмотрено за подрыв идеи национального единства и прогресса путем распространения слухов, производства информации либо посредством занятия решительной противостоящей позиции. Отдельного внимания заслуживает ст. 24, согласно которой озвученные выше идеи тибетцы должны продвигать в семьях, чтобы, как уже следует из ст. 34, воспитывать образцовых граждан.

Выводы

Результаты проведенного исследования выявили, что Китай стремится создать правовую базу для государственного регулирования общественных отношений, возникающих в процессе реализации права на свободу вероисповедания, в целях сохранения народного единства, общественного порядка и территориальной целостности страны. В то же время китайский законодатель пытается своевременно отвечать на такие вызовы современности, как распространение экстремистских материалов и радикализация населения в цифровом пространстве, в частности, посредством создания и распространения противоправного контента с использованием

⁴³ Ввиду отсутствия доступа к официальным данным приводится статистика из исследования Van Wie Davis, E. Tibetan separatism in China. (2009). *Korean Journal of Defense Analysis*, 21(2), 155–170. <https://doi.org/10.1080/10163270902872135>

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ 西藏自治区民族团结进步模范区创建条例 第四章 宣传教育 от 11 января 2020 № mzj/2020-00007. (2020). 地区民宗局. <https://www.xz.gov.cn/info/1258/28851.htm>

генеративного ИИ. Реализация же законов и иных нормативных правовых актов, направленных на контроль и ограничение религиозной свободы, включая так называемые китаизацию и деэкстремификацию населения отдельных регионов, обеспечиваются, помимо прочего, применением технологий ИИ. Перечисленные меры обусловлены существованием реальных угроз территориальной целостности и стабильности КНР, а также безопасности граждан этой страны, что следует из результатов проведенного анализа статистики преступлений на почве этнической и религиозной нетерпимости, сопряженных с массовыми беспорядками и террористическими актами, конечной целью которых являлся выход определенных регионов из состава государства.

Согласно ст. 36 Конституции КНР⁴⁶, государство обязуется защищать только «нормальную религиозную активность», т. е. такой вид реализации религиозной свободы, который не нарушает общественного порядка, не угрожает жизни и здоровью граждан, не подстрекает к свержению государственного строя и т. д. Данная статья является отправной точкой для всей китайской политики и, соответственно, законодательства в отношении религии. Таким образом, принятые на основе ст. 36 законы и иные нормативные правовые акты изначально обязаны соответствовать Конституции.

Не противоречащим основному закону, на первый взгляд, кажется и применение ИИ с целью распознавания содержания текстовых и аудиовизуальных сообщений, в том числе, как можно полагать из ст. 34 «Положения о создании образцовой зоны этнического единства и прогресса в Тибетском автономном районе»⁴⁷, в личных беседах между членами семей, ведь ст. 40 Конституции КНР предусматривает ограничение тайны переписки в случаях, необходимых для обеспечения национальной безопасности. Тем не менее та же статья четко устанавливает, что осуществлять такую деятельность могут исключительно органы уголовного розыска, органы общественной безопасности или органы прокуратуры, но ни в коем случае не организации и физические лица. Привлечение сторонних организаций и специалистов для реализации «Мер по администрированию предоставления религиозных услуг в Интернете», которое, как следует из официального пресс-релиза к данному нормативному правовому акту, планируется совместно Государственным управлением по делам религий с Государственным управлением информации в Интернете, противоречит данной норме.

Более того, превентивные меры по распространению экстремистских материалов, предполагающие вмешательство в переписку и другие виды общения посредством телекоммуникации, предусмотренные «Мерами по администрированию предоставления религиозных услуг в Интернете»⁴⁸, «Мерами по администрированию

⁴⁶ Constitution of the People's Republic of China от 4 декабря 1982. С изм. и доп. в ред. от 11 марта 2018. *The National People's Congress of the People's Republic of China*. <https://www.npc.gov.cn/englishnpc/constitution2019/201911/1f65146fb6104dd3a2793875d19b5b29.shtml>

⁴⁷ 西藏自治区民族团结进步模范区创建条例 第四章 宣传教育 от 11 января 2020 № mzj/2020-00007. (2020). 地区民宗局. <https://www.al.gov.cn/info/1258/28851.htm>

⁴⁸ 互联网宗教信息服务管理办法 от 3 декабря 2021 г. № 17. (2021). 国家互联网信息办公室、中华人民共和国工业和信息化部、中华人民共和国公安部、中华人民共和国国家安全部令. https://www.gov.cn/gongbao/content/2022/content_5678093.htm

предоставления информационных услуг в Интернете»⁴⁹ и Законом о кибербезопасности⁵⁰, противоречат нормам международного права. В частности, ст. 12 Всеобщей декларации прав человека⁵¹, не допускающей вмешательства в частную жизнь и тайну корреспонденции, а также ст. 19, согласно которой каждый имеет право на свободу убеждений и распространения своих идей.

Отдельно стоит отметить, что указанные нормативные правовые акты, а также «Положение о создании образцовой зоны этнического единства и прогресса в Тибетском автономном районе»⁵² и «Положение Синьцзян-Уйгурского автономного района о деэкстремификации»⁵³ вкпе с самой ст. 36 Конституции КНР находятся в противоречии со ст. 18 Всеобщей декларации прав человека⁵⁴, гарантирующей каждому свободу мысли, совести и вероисповедания, соответственно, нормам международного права не отвечают и попытки реализовать их в цифровом пространстве, в том числе такие, как использование генеративного ИИ для распространения государственной идеологии и иных видов пропаганды, целью которых является воздействие на формирование убеждений граждан.

Проведенное исследование также показало, что контроль за религиозной активностью в Китае имеет разную степень в зависимости от региона и предусматривает особые, усиленные меры в этнических автономиях, таких как СУАР и Тибет. Исходя из этого, очевидным становится, что «Положение о создании образцовой зоны этнического единства и прогресса в Тибетском автономном районе»⁵⁵ и «Положение Синьцзян-Уйгурского автономного района о деэкстремификации»⁵⁶ находятся в противоречии с нормами ст. 33 Конституции КНР, согласно которой все граждане Китая равны перед законом. Соответственно, любые меры по их применению, включая использование «умных» камер в отдельных регионах, помогающих собирать и сортировать информацию о внешнем виде, паттернах поведения прихожан и т. д., а также содержания речей во время отправляемых религиозных ритуалов и служб, противоречат основному закону государства и расходятся с нормами международного права, в частности, с положениями Международной конвенции о ликвидации всех

⁴⁹ 互联网信息服务管理办法 от 25 сентября 2000 г. № 292 (с изм. и доп. в ред. от 8 января 2011). 日中华人民共和国国务院令第. https://www.gov.cn/zhengce/2020-12/26/content_5574367.htm

⁵⁰ 中华人民共和国网络安全法 от 7 ноября 2016. (2016). 新华社北京. https://www.gov.cn/xinwen/2016-11/07/content_5129723.htm

⁵¹ Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года. КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/

⁵² 西藏自治区民族团结进步模范区创建条例 第四章 宣传教育 от 11 января 2020 № mzt/2020-00007. (2020). 地区民宗局. <https://www.al.gov.cn/info/1258/28851.htm>

⁵³ 新疆维吾尔自治区去极端化条例 от 27 марта 2017 № mzt/2020-00007 (с изм. и доп. в ред. от 9 мая 2019 г.). (2019). 新疆人大网 更新时间. <https://www.xjpcsc.gov.cn/article/225/lfgz.html>

⁵⁴ Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года. КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/

⁵⁵ 西藏自治区民族团结进步模范区创建条例 第四章 宣传教育 от 11 января 2020 № mzt/2020-00007. (2020). 地区民宗局. <https://www.al.gov.cn/info/1258/28851.htm>

⁵⁶ 新疆维吾尔自治区去极端化条例 от 27 марта 2017 № mzt/2020-00007 (с изм. и доп. в ред. от 9 мая 2019 г.). (2019). 新疆人大网 更新时间. <https://www.xjpcsc.gov.cn/article/225/lfgz.html>

форм расовой дискриминации⁵⁷. С нормами, закрепленными в данной конвенции, ратифицированной Китаем, не согласуется и политика народного единства, предполагающая принудительную «китаизацию» этнических меньшинств и их верований.

Об особенностях мер, помогающих гомогенизировать Китаю свое население, упоминается в совместном исследовании С. Джименез-Товар и М. Лавичка, посвященном изучению внедрения правительством определенных идей с использованием аудиовизуальных и других средств, влияющих на формирование национальной идентичности (Jiménez-Tovar & Lavička, 2020).

В другом своем исследовании М. Лавичка (Lavička, 2021) доказывает, что в СУАР действуют более строгие правила, которые он истолковывает как попытку искоренить религию в регионе, в том числе посредством отлучения молодого поколения от религиозных традиций и обычаев. Впрочем, важно понимать, что этот процесс начался задолго до появления в Китае пропаганды социалистических ценностей и берет свое начало в конфуцианстве (Ma, 2006). Тем не менее следование этому курсу в XXI в. вступает в прямое противоречие со ст. 4 указанной конвенции, направленной на борьбу с идеями этнического превосходства. Впрочем, было бы несправедливо утверждать, что ее положения не исполняются китайским правительством хотя бы частично. Например, из текста Белой книги «Борьба с терроризмом и экстремизмом и защита прав человека в СУАР»⁵⁸ следует, что Китай исполняет обязанности по противодействию распространения идей этнического и религиозного превосходства уйгурскими мусульманами, но сопротивление их распространению с использованием современных цифровых технологий для пропаганды схожих же идей нельзя рассматривать в качестве адекватной меры реагирования, отвечающей требованиям данной конвенции и нормам обычного международного права.

Исходя из выводов исследования, можно утверждать, что в Китае существует развитая правовая база для применения технологий ИИ в качестве инструмента регулирования религиозной активности, а его использование государственными органами и иными организациями в данных целях отвечает нормам китайского законодательства. В то же время само китайское законодательство содержит ряд коллизий и пробелов, что может препятствовать корректной реализации норм, направленных как на обеспечение гарантии прав и свобод граждан, так и на их ограничение. Более того, ряд национальных китайских законов и нормативных правовых актов, во исполнение которых предполагается применять ИИ, вступает в противоречие с международными конвенциями, ратифицированными КНР.

На сегодняшний день нет оснований полагать, что Китай изменит свою политику по распространению государственного регулирования на цифровое пространство, с которым взаимодействуют его граждане, и прекратит применение ИИ в качестве инструмента контроля как в нем, так и за его пределами. Следовательно, и национальное законодательство КНР будет развиваться в направлении установления государственного контроля не только за общественными отношениями, но и за самим

⁵⁷ Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 7 марта 1966 г. Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. <https://base.garant.ru/2540327>

⁵⁸ The Fight Against Terrorism and Extremism and Human Rights Protection in Xinjiang от 2 июня 2016 г. (2016). The State Council Information Office of the People's Republic of China. https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2016/06/02/content_281475363031504.htm

ИИ и его обучением (так, проект «Мер по управлению услугами генеративного интеллекта»⁵⁹ обязывает переучивать генеративный ИИ в случаях создания им противоправных материалов, либо материалов, которые могут быть использованы для совершения противоправных деяний). Проведенный анализ также установил, что китайский законодатель старается оперативно реагировать на пробелы и коллизии в праве, а потому можно предположить, что озвученные выше внутренние противоречия в национальном законодательстве страны вскоре будут устранены.

Учитывая сложившуюся геополитическую ситуацию, можно предположить, что при дальнейшем усилении давления на Китай со стороны стран Запада, в том числе при применении мер воздействия «Глобального режима санкций ЕС за нарушения прав человека», КНР больше не сможет оправдывать существующие ограничения ст. 29 Всеобщей декларации прав человека⁶⁰, допускающей их «с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка». На факт игнорирования Коллективным Западом угроз территориальной целостности и общественной стабильности Китая под эгидой защиты прав человека уже указывают китайские академики (Ji, 2014). При таком развитии событий Китай может либо самостоятельно выйти из международных конвенций и организаций, членство в которых препятствует развитию по выбранному политическому курсу и подрывает государственный суверенитет, либо будет из них исключен – такой прецедент уже сложился, когда из Совета Европы была исключена Российская Федерация.

Список литературы

- Ashraf, C. (2020). Exploring the impacts of artificial intelligence on freedom of religion or belief online. *The International Journal of Human Rights*, 26(5), 764. <https://doi.org/10.1080/13642987.2021.1968376>
- Bhatia, K. V. (2021). Religious Subjectivities and Digital Collectivities on Social Networking Sites in India. *Studies in Indian Politics*, 9(1), 22. <https://doi.org/10.1177/2321023021999141>
- Bingaman, K. A. (2023). Religion in the Digital Age: An Irreversible Process. *Religions*, 14(1), <https://doi.org/10.3390/rel14010108>
- Bosch, M. D. et al. (2017). Typing my Religion. Digital use of religious webs and apps by adolescents and youth for religious and interreligious dialogue. *Church, Communication and Culture*, 2(2), 122–135. <https://doi.org/10.1080/23753234.2017.1347800>
- Chan, C. (2019). Using digital storytelling to facilitate critical thinking disposition in youth civic engagement: A randomized control trial. *Children and Youth Services Review*, 107. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2019.104522>
- Fontes, C, et al. (2022). AI-powered public surveillance systems: why we (might) need them and how we want them. *Technology in Society*, 71. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2022.102137>
- Guan, T., & Liu, T. (2019). Globalized fears, localized securities: 'Terrorism' in political polarization in a one-party state. *Communist and Post-Communist Studies*, 52(4), 343–344. <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2019.10.008>
- Ji, F. Y. (2014). Talking Past Each Other: Chinese and Western Discourses on Ethnic Conflict. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 155(6), 434–441. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.10.318>
- Jiménez-Tovar, S., & Lavička, M. (2020). Folklorized politics: how Chinese soft power works in Central Asia. *Asian Ethnicity*, 21(2), 244–268. <https://doi.org/10.1080/14631369.2019.1610355>

⁵⁹ 生成式人工智能服务管理办法（征求意见稿） от 11 апреля 2023 г. (2023). 国家互联网信息办公室. https://www.cac.gov.cn/2023-04/11/c_1682854275475410.htm

⁶⁰ Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805

- Kao, Y., & Sapp, S. G. (2022). The effect of cultural values and institutional trust on public perceptions of government use of network surveillance. *Technology in Society*, 70. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2022.102047>
- Lavička, M. (2021). Changes in Chinese legal narratives about religious affairs in Xinjiang. *Asian Ethnicity*, 22(1), 61–76. <https://doi.org/10.1080/14631369.2020.1793100>
- Leung, B. (2005). China's Religious Freedom Policy: The Art of Managing Religious Activity. *The China Quarterly*, 184, 894. <https://doi.org/10.1017/s030574100500055x>
- Lin, W. (2018). Religion as an object of state power: The People's Republic of China and its domestic religious geopolitics after 1978. *Political Geography*, 67, 1–11. <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2018.09.003>
- Ma, R. (2006). Ethnic Relations in Contemporary China: Cultural Tradition and Ethnic Policies Since 1949. *Policy and Society*, 25(1), 85–90. [https://doi.org/10.1016/s1449-4035\(06\)70128-x](https://doi.org/10.1016/s1449-4035(06)70128-x)
- Marique, E., & Marique, Y. (2020). Sanctions on digital platforms: Balancing proportionality in a modern public square. *Computer Law & Security Review*, 36. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2019.105372>
- Meneses, L. F. S. (2021). Thinking critically through controversial issues on digital media: Dispositions and key criteria for content evaluation. *Thinking Skills and Creativity*, 42. <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2021.100927>
- Reed, R. (2021). A.I. in Religion, A.I. for Religion, A.I. and Religion: Towards a Theory of Religious Studies and Artificial Intelligence. *Religions*, 12(6). <https://doi.org/10.3390/rel12060401>
- Sabic-El-Rayess, A. (2012). How do people radicalize?, *International Journal of Educational Development*, 87. <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2021.102499>
- Smith, L. G. E. et al. (2020). Detecting psychological change through mobilizing interactions and changes in extremist linguistic style. *Computers in Human Behavior*, 108. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106298>
- Van Wie Davis, E. (2009). Tibetan separatism in China. *Korean Journal of Defense Analysis*, 21(2), 155–170. <https://doi.org/10.1080/10163270902872135>
- Wei, X. (2022). A critical evaluation of China's legal responses to cyberterrorism. *Computer Law & Security Review*, 47. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2022.105768>

Сведения об авторах

Шумакова Наталья Игоревна – аспирант кафедры конституционного и административного права, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)

Адрес: 454080, Российская Федерация, г. Челябинск, пр. Ленина, 76

E-mail: territoryoflaw@mail.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-6063-0650>

Титова Елена Викторовна – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и административного права, директор юридического института, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)

Адрес: 454080, Российская Федерация, г. Челябинск, пр. Ленина, 76

E-mail: territoryoflaw@mail.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9453-3550>

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57201640405>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.ru/citations?user=Pqj6OiQAAAAJ>

РИНЦ Author ID: https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorId=451302

Вклад авторов

Е. В. Титова осуществляла общее руководство и постановку задач исследования, поиск и подбор научной литературы, критическую оценку интерпретации результатов исследования.

Н. И. Шумакова осуществляла анализ национального законодательства Китая, изучала криминальную статистику, выполняла интерпретацию результатов исследования и подготовку рукописи.

Конфликт интересов

Авторы сообщают об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Исследование не имело спонсорской поддержки.

Тематические рубрики

Рубрика OECD: 5.05 / Law

Рубрика ASJC: 3308 / Law

Рубрика WoS: OM / Law

Рубрика ГРНТИ: 10.15.59 / Права и свободы человека и гражданина

Специальность ВАК: 5.1.2 / Публично-правовые (государственно-правовые) науки

История статьи

Дата поступления – 3 марта 2023 г.

Дата одобрения после рецензирования – 4 мая 2023 г.

Дата принятия к опубликованию – 16 июня 2023 г.

Дата онлайн-размещения – 20 июня 2023 г.

Research article

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.23>

Artificial Intelligence as an Auxiliary Tool for Limiting Religious Freedom in China

Natalya I. Shumakova ✉

South Ural State University (National Research University)
Chelyabinsk, Russian Federation

Elena V. Titova

South Ural State University (National Research University)
Chelyabinsk, Russian Federation

Keywords

Artificial intelligence,
China,
digital technologies,
extremism,
freedom of worship,
human rights,
law,
neuron network,
regulation,
religion

Abstract

Objective: based on studying the statistics of crimes, national legislation and norms of international law, to give a legal assessment to restrictions of the right to worship implemented with the use of artificial intelligence technologies in China.

Methods: the methodological basis of the research is the set of methods of scientific cognition, including specific sociological (analysis of statistical data and other documents), formal-legal (examining legal categories and definitions), formal-logical (analysis and synthesis), general scientific (induction, deduction), and other methods.

Results: the work researches prerequisites for using artificial intelligence technologies in China to control public relations arising during religious activity both in the digital space and beyond; analyzes the legal framework of the measures implemented; gives a legal assessment to restrictions of the religious freedom using artificial intelligence technologies; forecasts the further development of Chinese legislation and foreign policy associated with religious freedom. Additionally, the work analyzes materials of human rights organizations aimed at hindering the Chinese policy of "sinicisation" and "de-extremification" of ethnic and religious minorities, including with the help of control and propaganda using modern digital technologies.

✉ Corresponding author

© Shumakova N. I., Titova E. V., 2023

This is an Open Access article, distributed under the terms of the Creative Commons Attribution licence (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted re-use, distribution and reproduction, provided the original article is properly cited.

Scientific novelty: the work researches the attempt of China to regulate the challenges related to religious activity, arising during rapid digitalization of the society and state, which the Republic faces being a developing, multinational and polyconfessional country. The established restrictions of religious freedom using artificial intelligence technologies are considered along with the relevant criminal statistics. The legal assessment of using artificial intelligence as a tool for restricting the right to worship is given from the standpoint of international law, as well as with the account of Chinese national legislation.

Practical significance: the research results can be used to elaborate a consistent legal framework for using artificial intelligence technologies to counteract extremism.

For citation

Shumakova, N. I., Titova, E. V. (2023). Artificial Intelligence as an Auxiliary Tool for Limiting Religious Freedom in China. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(2), 540–563. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.23>

References

- Ashraf, C. (2020). Exploring the impacts of artificial intelligence on freedom of religion or belief online. *The International Journal of Human Rights*, 26(5), 764. <https://doi.org/10.1080/13642987.2021.1968376>
- Bhatia, K. V. (2021). Religious Subjectivities and Digital Collectivities on Social Networking Sites in India. *Studies in Indian Politics*, 9(1), 22. <https://doi.org/10.1177/2321023021999141>
- Bingaman, K. A. (2023). Religion in the Digital Age: An Irreversible Process. *Religions*, 14(1), <https://doi.org/10.3390/rel14010108>
- Bosch, M. D. et al. (2017). Typing my Religion. Digital use of religious webs and apps by adolescents and youth for religious and interreligious dialogue. *Church, Communication and Culture*, 2(2), 122–135. <https://doi.org/10.1080/23753234.2017.1347800>
- Chan, C. (2019). Using digital storytelling to facilitate critical thinking disposition in youth civic engagement: A randomized control trial. *Children and Youth Services Review*, 107. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2019.104522>
- Fontes, C, et al. (2022). AI-powered public surveillance systems: why we (might) need them and how we want them. *Technology in Society*, 71. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2022.102137>
- Guan, T., & Liu, T. (2019). Globalized fears, localized securities: 'Terrorism' in political polarization in a one-party state. *Communist and Post-Communist Studies*, 52(4), 343–344. <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2019.10.008>
- Ji, F. Y. (2014). Talking Past Each Other: Chinese and Western Discourses on Ethnic Conflict. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 155(6), 434–441. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.10.318>
- Jiménez-Tovar, S., & Lavička, M. (2020). Folklorized politics: how Chinese soft power works in Central Asia. *Asian Ethnicity*, 21(2), 244–268. <https://doi.org/10.1080/14631369.2019.1610355>
- Kao, Y., & Sapp, S. G. (2022). The effect of cultural values and institutional trust on public perceptions of government use of network surveillance. *Technology in Society*, 70. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2022.102047>
- Lavička, M. (2021). Changes in Chinese legal narratives about religious affairs in Xinjiang. *Asian Ethnicity*, 22(1), 61–76. <https://doi.org/10.1080/14631369.2020.1793100>
- Leung, B. (2005). China's Religious Freedom Policy: The Art of Managing Religious Activity. *The China Quarterly*, 184, 894. <https://doi.org/10.1017/s030574100500055x>
- Lin, W. (2018). Religion as an object of state power: The People's Republic of China and its domestic religious geopolitics after 1978. *Political Geography*, 67, 1–11. <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2018.09.003>

- Ma, R. (2006). Ethnic Relations in Contemporary China: Cultural Tradition and Ethnic Policies Since 1949. *Policy and Society*, 25(1), 85–90. [https://doi.org/10.1016/s1449-4035\(06\)70128-x](https://doi.org/10.1016/s1449-4035(06)70128-x)
- Marique, E., & Marique, Y. (2020). Sanctions on digital platforms: Balancing proportionality in a modern public square. *Computer Law & Security Review*, 36. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2019.105372>
- Meneses, L. F. S. (2021). Thinking critically through controversial issues on digital media: Dispositions and key criteria for content evaluation. *Thinking Skills and Creativity*, 42. <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2021.100927>
- Reed, R. (2021). A.I. in Religion, A.I. for Religion, A.I. and Religion: Towards a Theory of Religious Studies and Artificial Intelligence. *Religions*, 12(6). <https://doi.org/10.3390/rel12060401>
- Sabic-El-Rayess, A. (2012). How do people radicalize?, *International Journal of Educational Development*, 87. <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2021.102499>
- Smith, L. G. E. et al. (2020). Detecting psychological change through mobilizing interactions and changes in extremist linguistic style. *Computers in Human Behavior*, 108. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106298>
- Van Wie Davis, E. (2009). Tibetan separatism in China. *Korean Journal of Defense Analysis*, 21(2), 155–170. <https://doi.org/10.1080/10163270902872135>
- Wei, X. (2022). A critical evaluation of China's legal responses to cyberterrorism. *Computer Law & Security Review*, 47. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2022.105768>

Authors information

Natalya I. Shumakova – post-graduate student of the Department of Constitutional and Administrative Law, South Ural State University (National Research University)
Address: 76 prospekt Lenina, 454080 Chelyabinsk, Russian Federation
E-mail: territoryoflaw@mail.ru
ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-6063-0650>

Elena V. Titova – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, Director of Law Institute, South Ural State University (National Research University)
Address: 76 prospekt Lenina, 454080 Chelyabinsk, Russian Federation
E-mail: territoryoflaw@mail.ru
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9453-3550>
Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57201640405>
Google Scholar ID: <https://scholar.google.ru/citations?user=Pqj6OiQAAAAJ>
RSCI Author ID: https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=451302

Authors' contributions

Elena V. Titova performed overall guidance and setting the research tasks, search and selection of scientific literature, critical evaluation of the research results interpretation.

Natalya I. Shumakova performed analysis of the Chinese national legislation, studied criminal statistics, interpreted the research results and prepared the manuscript.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

Financial disclosure

The research had no sponsorship.

Thematic rubrics

OECD: 5.05 / Law

PASJC: 3308 / Law

WoS: OM / Law

Article history

Date of receipt – April 17, 2023

Date of approval – April 24, 2023

Date of acceptance – June 16, 2023

Date of online placement – June 20, 2023